

Theatre and Music. Rus[skiy] Ved[omosti] 1913, December 20 no. 293, p. 5.

Театр и музыка. Рус. вед. 1913. 20 декабря, № 293. С. 5

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 494

Koussevitzky's Fifth Symphony Concerto (December 18) offered nothing new, but each of the three major pieces on the program had its own distinctive and compelling appeal. As for the program's main piece, Glazunov's Seventh Symphony, its appeal is far more evident when calmly examining the score than when listening to it.

If Glazunov's symphony wins out when studied closely, then fragments from Stravinsky's "Petrushka" are only conceivable when listened to... [...]

Both symphonic numbers went well with Koussevitzky... [...]

The second half of the concert featured only Rachmaninoff's Third Piano Concerto in the composer's interpretation. This concerto itself is undoubtedly excellent, and it contains many pages of beautiful music (the second themes of the outer movements, episodes from the Intermezzo; numerous moments of surprisingly happy juxtapositions between piano and orchestra, and much more), but this concerto acquires its overwhelming significance only in the composer's devilishly perfect performance. After all, in addition to perfect pianistic abilities, a colossal force of musical talent is needed to fill every sound, every phrase of the concerto with profound charm and to hold the listener's attention in unflagging tension even when the musical thoughts clearly tend toward excessive verbosity (the finale). And in the encore, Rachmaninoff, it seems, played the fragrant preludes in G flat major from Op. 23 and in G sharp minor from Op. 32 even better, even more subtly, even more penetratingly. Gr. Pr. [Gr. Prokofiev].

[Translation: Google]

Пятый симфонический концерт Кусевицкого (18 декабря) не дал ничего нового, но зато каждая из трех больших пьес программы имела самодовлеющий и своеобразный интерес. Что касается основного нумера программы - Седьмой симфонии Глазунова, то ее интересность гораздо более дает себя чувствовать не при прослушивании, а при спокойном разглядывании партитуры...

Если симфония Глазунова выигрывает при при-стальном изучении, то фрагменты из «Петрушки» Стравинского мыслимы лишь при выслушивании... <...>

Оба симфонических нумера прошли у Кусевицкого хорошо... <...>

В втором отделении концерта стоял лишь Третий фортепианный концерт Рахманинова в авторской интерпретации. Сам по себе этот концерт бесспорно хорош, и в нем масса страниц прекрасной музыки (вторые темы крайних частей, эпизоды из Intermezzo; масса моментов удивительно счастливых сопоставлений фортепиано и оркестра, да и многое другое), но всеокрушающую значительность этот концерт приобретает только в дьявольски совершенном исполнении автора. Ведь помимо совершенных пианистических данных нужна колоссальная сила музыкальной одаренности, чтобы наполнить глубоким очарованием каждый звук, каждую фразу концерта и держать в неослабевающей напряженности внимание слушателя даже тогда, когда музыкальные мысли имеют явную тенденцию к излишней многословности (финал). А на bis Рахманинов, кажется, еще лучше, еще тоньше, еще проникновеннее сыграл ароматные прелюдии Ges-dur из op. 23-го и gis-moll из op. 32.